

ГЕОРГИЙ
ГОЛУБЕНКО
ОДЕССКИЙ
ДЕКАМЕРОН

ЧЕТЫРЕ СТОРОНЫ СМЕХА

Каждый город имеет свой цвет.

Москва — белокаменная.

Иерусалим — золотой.

Одесса — город рыжий.

Построенный из рыжего камня, купающийся в ослепительно-рыжем солнце, он рыжий еще и потому, что вот уже более двухсот лет блестяще исполняет, как говорится, на мировой арене роль рыжего клоуна, постоянно развлекающего всех, кто приезжает сюда, своими смешными, а иногда чуть печальными шутками.

Впрочем, в том, что одесситы беспрерывно шутят, уверены только приезжие. На самом деле это не так. Просто одесситы так разговаривают.

Помню, в моем детстве, еще при советской власти, наш сосед жаловался всем собравшимся на коммунальной кухне:

— Ну как я могу преподавать в юридическом институте, когда у нас в стране понятия «украдено» и «пропало» имеют противоположный смысл? То, что не украдено, то как раз пропало, а то, что украдено, наоборот, сохранено и служит людям...

И так излагал свои мысли не только он, а практически все, с кем я когда-либо сталкивался в Одессе, причем постоянно, повсеместно и по любому поводу.

В общем, если вы, приехав в Одессу, думаете, куда бы вам пойти, чтобы увидеть и услышать что-нибудь смешное, — можете смело идти на все четыре стороны.

На эту способность всех одесситов (включая малоинтеллигентных биндюжников) к парадоксальному мышлению, способность, вообще-то свойственную только гениальным физикам и великим конферансье, обратил когда-то внимание мальчик из культурной семьи, рожденный на Молдаванке. И написал знаменитые теперь на весь мир «Одесские рассказы». Мальчика звали Исаак Бабель, а название его книги, я думаю, — это определение нового жанра, в котором все мы, пишущие об Одессе, пытаемся что-то делать в меру сил своих и способностей.

Автор

ОДНА ЗЕЛЕНАЯ ЛУКОВИЦА И ОДНО КРАСНОЕ ЯБЛОКО

Не знаю, что так пугает многих артистов и музыкантов, которые говорят, что всегда с особым волнением едут выступать в Одессу, но вот почему начиная с далекого тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года ни разу не приезжал в наш город знаменитый скрипач Гутников со своей пианисткой Мещерской, я знаю точно. Они боялись меня.

Впрочем, все по порядку. Я учился тогда в Одесской государственной консерватории. Красиво? А вы как думали! Это уже потом я стал советским драматургом, а вначале родители все же пытались сделать из меня культурного человека. Желательно скрипача. Правда, мой педагог — профессор Лео Давыдович Лемберский сразу распознал безнадежность этих попыток, поэтому во время занятий старался научить меня хоть чему-нибудь полезному для жизни.

— Смотри сюда, мальчик, и запоминай, — говорил, бывало, мой шестидесятилетний наставник мне, восемнадцатилетнему пацану, доставая из своего скрипичного футляра луковичу и яблоко. — Мой дед съедал во время обеда одну зеленую луковичу и одно красное яблоко — и дожил до ста лет. Мой отец съедал во время обеда одну зеленую луковичу и одно красное яблоко — и дожил до ста одного года. Я тоже съедаю во время обеда одну зеленую луковичу и одно красное яблоко, и вот ты увидишь... Хотя ты, конечно же, не увидишь...

Я незаметно посмеивался, и, между прочим, совершенно напрасно. Прошло тридцать лет, а мой профессор по-прежнему съедает где-то в далеком Израиле во время обеда свою зеленую луковичу и свое красное яблоко и уже готовится побить семейный рекорд долголетия, установленный его отцом и дедом, а что касается меня... Боюсь, мне теперь уже действительно нужно сильно постараться, чтобы это увидеть.

Вообще, я любил учиться в Одесской государственной консерватории. Потому что государственной она была в последнюю очередь. В первую очередь она была одесской.

«Декан Рувимчик — редкий козел!» — было написано на стене нашего консерваторского туалета. «Сам ты козел! Декан Рувимчик», — было написано

ниже. В классе контрабасов висел транспарант, который приводил в ужас всю нашу кафедру марксизма-ленинизма: «Ничего не знаю лучше контрабаса. Готов слушать его день и ночь. Удивительный, нечеловеческий инструмент!» — и подпись: «Лейбин». А какие, собственно, основания были его снимать, если Лейбин была фамилия преподавателя контрабаса?..

Мы, студенты, жили с нашими педагогами одной семьей, постоянно пытались шутить и все как один мечтали о славе. Слава имела конкретные очертания. И называлась она — сцена Одесской филармонии. Выступать там было пределом наших мечтаний. Поэтому все, что произошло в тот день одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года, я помню очень хорошо. Или почти все...

— Ну что ж, мальчик, поздравляю тебя! — сказал мой профессор. — Сегодня ты впервые выходишь на филармоническую сцену!

— Как?.. — задохнулся я. — А что же я буду там играть?

— Ничего, — ответил профессор. — Ты будешь там ноты переворачивать. Играть будет Гутников. Нужно помочь его пианистке.

Для тех, кто не в курсе, рассказываю: скрипач обычно во время концерта играет все наизусть. Его аккомпаниатор — по нотам. Переворачивать их приглашают кого-нибудь из местных. Ну не возить же с собой на гастроли такую малозначительную фигуру...

Конечно, это было не совсем то, о чем я мечтал. Но я живо представил себе, как вечером я выхожу на сцену Одесской филармонии, и одна знакомая девушка, сидящая в зале, увидит...

Ну, в общем, за полчаса до концерта я уже переминался с ноги на ногу за кулисами филармонии, с тревогой прислушиваясь к шуму, доносящемуся из переполненного зрительного зала. Потом появились ослепительные Гутников и Мещерская. Она — в роскошном концертном платье, он — в строгом фраке, но с настоящим Страдивари в руках.

— Здра-а-авствуйте, — поздоровался я, заикаясь от волнения. — Я тут пе-е-реворачивать...

— Знаем, знаем, — сказала пианистка. — Зачем же вы так волнуетесь, молодой человек? Ноты читать умеете? Значит, когда увидите, что я доигрываю страницу, перевернете. И еще: у меня длинное платье, поэтому, когда я буду вставать со стула, чтобы поклониться, отодвигайте, пожалуйста, стул. Вот, собственно, и все. Ваш профессор сказал, что вы человек способный. Думаю, справитесь... Да, и еще: я вас очень прошу, когда мы будем уходить со сцены, уходите, пожалуйста, первым. Потом уйду я, и только потом уже солист. Понимаете? Чтобы все аплодисменты достались солисту. И вообще, ваша главная задача — нам не мешать.

— О чем ты, Мила? — улыбнулся маэстро. — Ну как он может нам помешать?..

Ох, не нужно ему было это говорить! Уже через несколько минут жизнь показала, что в этом смысле он явно недооценивал мои возможности.